

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА**Степанова Анастасия Владимировна**

магистрант

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»

г. Магнитогорск, Челябинская область

ФИЛОСОФСКИЕ ВЛИЯНИЯ: НИЦШЕАНСТВО**Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО**

Аннотация: статья посвящена творческой и философской деятельности Д.С. Мережковского. Автор рассматривает влияние трудов знаменитых ученых, исследователей и философов на формирование мировоззрения Дмитрия Сергеевича Мережковского. Подробно описываются его идеи и мнения об искусстве и роли человека в ней.

Ключевые слова: концепт, концептуальная система, концепт «война», мировоззрение, Мережковский, Ницше.

«Концепт – то, что называет содержание понятия» [6, с. 25], иными словами концепт – синоним смысла. Маслова В.А. пишет о том, что «концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы. Существовая в сознании нации, концепты определяются в языке «...» Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из: а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами» [6, с. 28-29] и т.д. Таким образом, можно сказать, что основную суть мировоззрения, мироощущения автора-художника можно реализовать, вербализовать через систему концептов, актуализированную в его работах (текстах).

Именно поэтому нам видится целесообразным более подробно рассмотреть влияния и философские заимствования Дмитрия Сергеевича Мережковского для наиболее полного и точного раскрытия концептов его мировоззренческих взглядов и выявления концептуальной системы философского текста XX века в целом.

С нашей точки зрения, появлению теорий и идей, выдвинутых Мережковским, во многом способствовали труды Фридриха Ницше, популярного в то время в России философа. Знакомство Мережковского с учением Ницше произошло в конце 1880-х, когда он уже успел разочароваться в народничестве, позитивизме и искал для себя новый «символ веры».

Можно утверждать, что на работы Ф. Ницше Д. Мережковский опирался на протяжении всего творческого пути, беря за основу то одни, то другие идеи и постулаты ницшеанства. «Элементы ницшеанской мысли прочно укоренились в его сознании. Даже позднее, в эмиграции, Мережковский все еще прибегал к идеям и образам Ницше для выражения собственных концепций... Ницшеанство, понятое как асоциальный индивидуализм, помогло ему самоутвердиться и утвердить исключительную функцию искусства, отстраниться от «толпы»» [5, с.121-122] – из романа «Тайна Запада. Атлантида-Европа»: ««Я есмь Альфа и Омега, начало и конец», – говорил Незнаемый, ибо кто сейчас неизвестнее, чем Он? Тайна Востока и Запада – тайна одна одного Незнаемого» [7, с. 222]. Незнаемый здесь – Христос, создатель всего сущего на земле. Он – бог вселенной, где красота – средоточие истины, смысла и добра, как полагал Мережковский, считавший красоту и саму суть искусства средоточием добра. «На поклонении красоте Мережковский встраивает новый образ жизни. Составные его элементы – разрушение «скрижалей», устаревших заповедей, поклонение плоти и превознесение художника как сверхчеловека» [5, с.122].

Мережковского очень привлекал порыв Ницше переоценить все ценности, в том числе добро и зло, ведь ницшеанство звало к выходу «по ту сторону добра и зла». Поэт вслед за Ницше даже «попытался сформулировать основы новой христианской нравственности» [5, с.127].

Помимо Ницше на формирование мировоззрения писателя повлияли учения Г. Спенсера, О. Канта, Ч. Дарвина, Дж. Милля, популярных в то время в народнической среде. В конечном счете, скептицизм отдалил его от народнической идеологии, и стремление преодолеть несовместимость искусства и позитивистско-народнической идеологии привело к переоценке ценностей. Скажем, как именно это произошло.

Красота составляет основу любого великого произведения искусства. На смену утилитарному искусству, популярному в демократической среде реализму должно прийти новое, идеальное искусство, обращенное к проблемам вечности, а не к сиюминутному существованию. Человек и природа – вот две такие проблемы, и ими должно заниматься искусство. Современные люди стоят, беззащитные, – на пограничной черте света с несказанным мраком и уже более ничто не ограждает их сердца от страшного холода, веющего из бездны. «Куда бы мы ни уходили, как бы мы не прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана. <...> Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном, неразрушимом диссонансе, этом трагическом противоречии так же, как в небывалой умственной свободе, в смелости отрицания, заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века» [1, с. 47-48].

Искусство в целом Мережковский воспринимал лишь как безнадежный плач человеческой души о Боге. Поэт утверждал, что человек свободен, как Бог. Природа человека двойственна: в ней соединяются добро и зло, дух и плоть. Усилием воли человек пытается приблизиться то к добру, то к злу, но по слабости своей не может окончательно выбрать по какому пути идти. Над ним довлеет Рок. Богом предопределен конец каждой человеческой жизни. Он един для всех, вне зависимости от избранного пути: «...чем дальше вглубь, в «ночную душу», тем ощутительнее то, что можно назвать притяжением второй войны. Кажущийся «мир» – может быть, на самом деле, только перемирие – все больше напоминает, еще зеркальную, но уже неодолимо влекущую, с еще далеким, но уже

постепенно приближающимся гулом водопада, речную гладь Ниагары. <...> Европа в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» [7, с. 222-223] – как бы ни стремились к миру, как бы ни желали его, подразумевает под этим Мережковский, а войны не избежать, ибо неизбежна она, предрешена и предначертана свыше.

«Писатель выделил три основных столпа, на которых, по его мнению, будет держаться новое искусство: это «расширение художественной впечатлительности» – общее требование нового искусства не только у нас, но и на Западе; мистическое восприятие мира – в любом символисте непременно сидит мистик, таков его метод работы; и наконец, символизм как религия, мировоззрение автора, его способ судить о мире» [2, с.563]. Или по-другому: три элемента идеального искусства – символы, мистицизм и импрессионизм.

Мережковский считал, что символы являются центральным элементом нового искусства. Они необходимы для того, чтобы возвысить читателя от созерцания частного явления к созерцанию вечного. Художник не должен выдумывать символы. Выдуманные, они похожи на мертвые схемы. Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем-то, что выражено словами» [1, с. 50].

В символистах Д. Мережковский увидел людей, способных осуществить синтез плоти и духа. Они – предвестники конца старого мира – обрели индивидуальность и довели ее до крайности, впитав в себя все лучшее из европейской мысли, включая идеи Фридриха Ницше. Позже, уйдя от поэзии в религиозно-философскую прозу и разрабатывая теорию Третьего Завета, Мережковский не отказывается и от символистских идей и позиций, по-прежнему следуя влиянию немецкого философа.

Ницше выходил за пределы «добра и зла», т.е. порывал с моралью и религией – с тем, что подчиняло человека (творца) обществу, сковывало его жизненные инстинкты. Преодоление «добра и зла» происходило при помощи любви и

вражды, ненависти к врагам. Обретя свободу от общества, человек сам становится мерилom ценности всех явлений. В нем пробуждалась сила, увеличивались воинственные инстинкты, порождающие зло.

Идеи Мережковского о человеке близки идеям Фридриха Ницше и в то же время далеки от них. Желание освободить человека от влияния общества сближает Мережковского с Ницше, а степень реализации этого желания отдаляет их друг от друга. Ницше произвел более радикальную ревизию ценностей, нежели Мережковский. Он вывел человека за пределы добра и зла и сделал основой его жизни «волю к власти». Человек же Мережковского находится в пределах добра и зла. Его жизнь определяет возможность творчества:

И смерть, и жизнь – родные бездны;
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.
Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет Своею волею навек [4, с.90].

Идею Ницше о Сверхчеловеке Мережковский воспринял как идею о преображенном человеке, идущем при помощи любви от одиночества к Богу:

Может быть, все разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А все-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней [2].

По мнению Мережковского, Ницше наглядно показал – в своих произведениях и лично – два пути, открывающихся перед человеком в современном мире: или умереть в одиночестве, или, уверовав в Бога, остаться жить вечною жизнью. Сверхчеловек, – утверждал Мережковский, – это последняя точка, самая острая вершина горного кряжа европейской философии, с ее вековыми корнями возму-

тившейся, уединенной и обособленной личности. Дальше некуда идти: исторический путь пройден; дальше обрыв или бездна, падение или полет – путь сверхисторический – религия:

Всему я рад, всему покорен.

В ночи последний замер плач.

Мой путь, как ход подземный, черен

И там, где выход, ждет палач [4, с.113].

Переоценка ценностей, начатая Мережковским в литературе, подтолкнула его к необходимости религиозной модернизации. Но, надо заметить, что в отличие от Ницше, переоценка ценностей (в частности, доброго и злого начал бытия) у Мережковского не имела антирелигиозной направленности. Бог всегда занимал важное место в картине мира русского поэта и философа: ««Он (Христос) всей твари Первенец. Ибо Им создано все, что на небесах и на земле... И он есть прежде всего». Это значит: был Христос в начале мира, так же как будет в конце. Но мы знаем его только в середине – в истории; вначале и в конце – в эсхатологии – не знаем» [7, с. 234].

Несмотря же на то, что со временем Мережковский все дальше и дальше уходил в своем мировидении от идей Ницше, идей христианства и символизма, их влияния четко просматриваются в его философских романах, находя отражение в системе концептов лежащей не только в основе его произведений, но и в основе философских текстов XX века вообще, когда все сливается воедино, где начало – есть конец, а мир приводит неизбежно к войне. Однако не всегда война при этом есть символ средоточия зла, ибо подчас несет в себе перемены и, как следствие, мир. Тайна всемирной войны у Мережковского есть тайна Запада – Атлантида-Европа. Миротлюбивая Европа, говорящая о мире, но готовящаяся к войне, тянущаяся к ней своей «ночной душой».

Список литературы

1. Барковская Н.В. Философские основы символизма. Образ-символ. «Старшие» символисты. Д. Мережковский, Ф. Сологуб, В. Брюсов, К. Бальмонт, Анненский И. / Барковская Н.В. Поэзия серебряного века. – 1999. – С. 22-56.
2. Бойчук А.Г. Мережковский-лирик (1880-1900-е гг.) // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60. – № 5. – С. 14-23.
3. Д.С. Мережковский: pro et contra: личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология // сост. А.Н. Николюкин. – СПб.: РГХИ, 2001. – 568с.
4. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус: Избранное / сост. В.М. Рощаль. – СПб.: Диамант, 1997. – 446с.
5. Келдыш, В.А. Д.С. Мережковский: мысль и слово // институт мировой литературы РАН. – М.: Наследие, 1999. – 349с.
6. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой [Электронный ресурс] учеб. Пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2012. – 256 с.
7. Мережковский, Д.С. Собрание сочинений. Тайна Трех / редкол.: О.А. Коростелев и др.; Сост. И подгот. текста А.Н. Николюкина. – Москва: Республика, 1999. – 608 с.